УДК 94(477)

Д. В. Веденеев

Инспиратор церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко)

Органы государственной безопасности практически на протяжении всего периода советской истории играли особую, активную и нередко зловещую роль в церковно-государственных отношениях. В определенные периоды именно профильные контрразведывательные подразделения ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ выступали ведущим инструментом либо подавления религиозной жизни, незаконных репрессий по отношению к «служителям культа» и верующим различных конфессий, либо жесткого контроля со стороны государства и активного вмешательства в жизнедеятельность религиозной сферы советского общества.

Отметим, однако, что деятельность спецслужб по отношению к церкви в 1943–1953 гг. всё же имела определенную конструктивную специфику, обусловленную особенностями курса политического руководства СССР на заметную либерализацию по отношению к Православной Церкви и некоторым другим конфессиям, признание ее духовно-патриотических заслуг, конъюнктурное использование церкви для достижения задач государственной политики, включая и международные отношения.

На сегодняшний день наряду с масштабной работой, проведенной отечественными исследователями по изучению репрессивной политики советской власти и правящей коммунистической партии, малоизученным аспектом проблемы деятельности спецслужб СССР в области церковно-государственных

отношений является, на наш взгляд, собственно оперативная (контрразведывательная, оперативно-розыскная, информационно-аналитическая) деятельность органов госбезопасности в конфессиональной среде.

Думается, что углубленное изучение (на основе документов самих спецслужб) упомянутых аспектов истории церковно-государственных отношений открывает дополнительные возможности для лучшего научного понимания инструментария богоборческой политики властей и особенностей вынужденного реагирования на нее религиозных общин, механизма обеспечения реализации государственных актов в религиозной сфере, исследования репрессивной политики сталинизма как таковой, дальнейшего изучения истории церкви, религиозной персоналистики, а также истории отечественных спецслужб.

В этом отношении перспективным направлением исследования деятельности советских спецслужб в религиозной сфере представляется изучение служебной биографии руководителей и ведущих сотрудников тех оперативных подразделений «чекистских органов», на которые возлагалась работа «по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов» (распространенное в свое время определение данного профиля).

Среди них — сотрудник и руководитель антирелигиозного подразделения секретно-оперативного органа ОГПУ в Советской Украине (УССР) в 1920-х — начале 1930-х гг. С. Карин-Даниленко. Об этой неоднозначной фигуре, одном из ключевых персонажей деятельности госбезопасности в конфессиональной среде Украины 1920-х — 1940-х гг. пойдет речь в нашей статье, основанной на материалах личного дела офицера и других архивных документах.

Полковник Сергей Тарасович Карин-Даниленко (1898–1985) считался «живой легендой» органов госбезопасности Украины. «Имеет огромный опыт чекистской работы, лично провел весьма много сложных оперативных дел», отмечали кадровики МГБ УССР на излете его карьеры в 1946 г.[1]

Сергей Карин родился в 1898 г. в селе Высокие Байраки Херсонской губернии (современная Кировоградская область). Как свидетельствуют материалы спецпроверки, отец чекиста был кулаком, имел до 70 десятин земли, конную молотилку, веялку, плуг, нанимал батраков и перепродавал скот. Позднее, как сообщали односельчане С. Карину, его родители умерли от голода в 1933 г., в то время как сын преданно служил в советской внешней разведке[2].

Интересно, что будущий борец с «украинским буржуазным национализмом» в юности являлся «национально сознательным» украинцем. Обучаясь в 1911–1919 гг. в Елисаветградском коммерческом училище, «принимал участие в украинском нелегальном кружке шовинистического направления», как указывается в документах. «Был безусловно заражен шовинизмом ради спасения “неньки Украины”» — каялся Сергей Тарасович в автобиографии

[1] Отраслевой государственный архив (ОГА) Службы безопасности Украины (СБУ). Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 6 об.

[2] Там же. Т. 1. Л. 38; Т. 3. Л. 30.

от 14 сентября 1923 г.[3] При проверках 1939 и 1944 гг. односельчане Карина показали, что тот «высказывался националистически». Прекрасно владел украинским языком (что в немалой степени помогало ему в агентурно-вербовочной работе) и в период украинизации даже входил в комиссию по «испытанию знания украинского языка» сотрудниками ГПУ УСРР.

Осенью 1920 г. по ложному доносу С. Карина арестовала Елисаветградская уездная ЧК. Видимо, в это время юноша и согласился стать секретным сотрудником (агентом по современным понятиям). С тех пор судьба С. Карина, в 1922 г. прибавившего к собственной фамилии для удобства работы в Украине приставку «Даниленко», уже неотделима от органов госбезопасности.

Уже с первых шагов в контрразведке (1921 г.) он проявил способности к перевоплощению, ролевой игре, внедряясь и «подводя под ликвидацию» (под легендой «участника повстанческого движения» против Советов) подпольные украинские антисоветские формирования «Украинская войсковая организация сечевых стрельцов», «Всеукраинский петлюровский повстанком», «Уманский повстанком», «Народная месть». Кульминацией стало внедрение в Повстанческо-партизанский штаб атамана Ю. Тютюнника при Генштабе армии Украинской Народной Республики в эмиграции, причем польская контрразведка-«дефензива» не сумела разоблачить артистично ведшего ролевую игру агента ЧК. Наградой разведчику стали золотые часы и перевод в центральный аппарат Всеукраинской ЧК как «оказавшего большие услуги секретного сотрудника»[4]. Кадровым сотрудником советской спецслужбы С. Карин-Даниленко числился с 14 августа 1922 г., заняв должность (до 1927 г.) уполномоченного Секретного отела (СО) Секретно-оперативной части (СОЧ) Главного политического управления (ГПУ) УСРР.

Особую роль в становлении Сергея Даниловича как сотрудника спецслужбы сыграл Валерий Горожанин. Длительное время В. Горожанин служил руководителем секретно-политических подразделений органов госбезопасности Украины и СССР, занимавшихся оперативной разработкой политических и общественных организаций, интеллигенции, «церковной контрреволюции» (до мая 1930 г. — начальник Секретно-оперативной части ГПУ УССР). Результаты агентурно-оперативной работы В. Горожанина по разрушению Православной Церкви были в декабре 1927 г. отмечены довольно редким тогда орденом Красного Знамени[5].

Приход С. Карина в органы ЧК–ГПУ хронологически совпал с развертыванием системных гонений на церковь. После Гражданской войны преследования

[3] Там же. Т. 3. Л. 25.

[4] См. подробнее: Крепкий «Тютюн» для атамана // Веденеев Д. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. К.: К.И.С., 2008. С. 34–55.

[5] О руководящих кадрах секретно-политического подразделения ГПУ УССР см. подробнее: *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 139–140; *Золотарьов В.А.* Секретно-політчиний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. Х.: Фоліо, 2007.

приняли целенаправленный характер государственной политики — РПЦ считалась «контрреволюционной силой», важнейшим политическим и идеологическим конкурентом, подлежала постепенной ликвидации с применением организационных мероприятий по отделению Церкви от государства, физических репрессий, мощной пропагандистской дискредитации, подрывных агентурно-оперативных мероприятий спецслужбы (ВЧК–ОГПУ). Уже в декабре 1920 г. Ф. Дзержинский писал создателю Всеукраинской ЧК Мартину Лацису: «Церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возрождать в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов»[6].

Борьбу с православием официально отнесли к приоритетным задачам органов госбезопасности. Как наставлял ЦК КП(б)У, органы ГПУ обязаны были «обеспечить полное информирование обо всем, что происходит в среде духовенства, верующих», вести пропагандистскую работу, запугивать духовенство[7]. Чекисты-«религиоведы» действовали напористо, вплоть до того, что их представитель обязательно входил в состав комиссий по вскрытию и «исследованию» святых мощей, тем более что эти богохульные акции (как, например, вскрытие раки с мощами святителя Феодосия Черниговского (февраль 1921 г.)) по официальному признанию, «оказались крайне неудачными», «настроение масс напряженное», «тело было цело», а «врачебная комиссия вынесла тенденциозное постановление» (т. е. невыгодное властям)[8].

Один из циркуляров спецслужбы цинично рекомендовал стравливать между собой «разные направления, течения, секты, церкви, верования», добиваться взаимной борьбы и дискредитации в стане православия, «чтобы враги топили друг друга»[9]. В 1922 г. начальник 6-го отделения (антирелигиозного) Секретно-Политического отдела ОГПУ СССР Е. Тучков отмечал немалые успехи коллег в деле понижения авторитета (дискредитации) «служителей культа», ибо «отсюда вырастает атеизм»[10].

Что же касается Украины, то к середине 1920-х гг. в Советской Украине действовали свыше 30 религиозных конфессий и течений. Среди них выделялись:

- **Каноническая Российская Православная Церковь**, Поместный собор которой 29 мая 1918 г. даровал автономный статус Украинской Православной

---

6 Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1997. Кн. 1. С. 9.

7 Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 1.

8 Радянська влада та православна церква на Чернігівщині у 1919–1930 рр. Збірник документів і матеріалів. Чернігів, 2010. С. 308–310.

9 ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 748. Л. 61.

10 Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1998. Кн. 2. С. 360.

Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью. Несмотря на гонения и расколы, отмечал СО ГПУ УССР, «тихоновщина» «остается крепко спаянной, материально сильной, как и раньше», «весь религиозно-сознательный элемент — на их стороне». В 1925 г. РПЦ имела в Украине 6453 приходов и 4 819 627 верующих[11].

- **Обновленческая («Живая») Церковь**, возникшая в 1922 г. в результате раскола РПЦ и при активном содействии органов госбезопасности. Выступала за возврат к «апостольскому христианству», активное участие верующих в церковной жизни, против безбрачия епископата и «засилья монашествующих», упрощение богослужения, его ведение на национальных языках, ликвидацию монастырей и «социальное христианство». Это движение продолжало пользоваться поддержкой властей и ГПУ, выступало в Украине главным раскольническим инструментом. Созданный в мае 1925 г. Синод обновленцев в Украине ежемесячно получал от ГПУ 400 рублей. Обновленчество, по замыслу чекистов, позволяло оттягивать на борьбу с ним силы как РПЦ, так и Украинской автокефальной Церкви. Помощь властей к 1925 г. позволила обновленцам иметь в УСРР 1497 приходов и 921 тыс. верных[12]. В этих условиях лично С. Карин, отмечалось в документах, «провел очень сложную и тонкую работу по укреплению обновленчества на Украине»[13].
- **Украинская автокефальная Православная Церковь (УАПЦ)**, оформившаяся в октябре 1921 г. на Первом всеукраинском православном соборе УАПЦ. Представляла собой проявление ереси филетеизма (осужденной в 1871 г.), ставившее в церковной жизни политические, национальные и иные мирские мотивы выше канонической жизни церкви по апостольской традиции. Брала начало от Всеукраинской Православной церковной рады (ВПЦР) 1917–1919 гг., координационного органа автокефального движения, который возглавляли М. Мороз и его заместитель, протоиерей Василий Липковский. Иерархи РПЦ дважды запрещали В. Липковского в служении. Епископат УАПЦ, рукоположенный из белого духовенства, и рукоположенные ими безблагодатные иереи получили в народе название «самосвятов».

Деятели автокефалии публично всячески подчеркивали свое «революционное родство» с советской властью, прямо призывая к расправе с канонической церковью и монашеством: «В связи с тем, что все монастыри на Украине пребывают в руках слуг старого режима и, как гнезда контрреволюции, вредят делу духовного развития украинской людности и возрождению ее Церкви, просить Всеукраинскую Православную Церковную Раду принять все меры перед Советской властью о передаче всех монастырей и принадлежащего им имущества

[11] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 12; Д. 2006. Л. 83.

[12] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 4; Д. 2006. Л. 83; *Жилюк С.* «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років XX ст. // Людина і світ. 2004. № 6. С. 44–48.

[13] ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 23.

в распоряжение Всеукраинской Православной Церковной Рады как народного церковно-революционного органа»[14].

«Украинское церковное движение пробудило национализм, церковный радикализм и общий общественно-политический подъем. Это движение проецировало украинский национализм на церковно-религиозную сферу...»[15] По сути, это был и политический вызов режиму — среди клира и активистов УАПЦ велика была прослойка активных участников Украинской революции и государственности 1917–1921 гг. Уже в конце 1924 г. глава ГПУ УСРР В. Балицкий отдал распоряжение «очистить липковские ряды от враждебного Советской власти элемента». 25 февраля 1926 г. Политбюро ЦК КП(б)У на закрытом заседании одобрило решение о репрессиях против активистов УАПЦ. По данным ГПУ УСРР, 214 священников УАПЦ являлись в прошлом военнослужащими армии УНР, 55 — членами украинских национальных партий, 46 — бывшими царскими офицерами, 22 — белогвардейцами, 17 — жандармами и полицейскими. К февралю 1926 г., по мнению ГПУ, до 60% клира УАПЦ (331 человек) находились на «враждебных позициях», а 70% приходов вели политическую агитацию[16].

В 1925 г. в УССР насчитывалось 989 приходов УАПЦ (680 тыс. прихожан). После отстранения (по указаниям ГПУ и через ее агентуру в УАПЦ) В. Липковского и его сторонников от руководства УАПЦ на ее II Всеукраинском церковном соборе в октябре 1927 г., верхушка автокефалов стала полностью подконтрольна чекистам, УАПЦ объединилась с собственными же раскольниками из ДХЦ (см. ниже). 29–30 января 1930 г. 40 «епископов» на Чрезвычайном съезде объявили о роспуске УАПЦ за «контрреволюционную деятельность», объявив В. Липковского «иудохристопродавцем»[17].

- **Действенно-Христова Церковь (ДХЦ)**, образовавшаяся в 1924 г. путем отделения от УАПЦ (в результате оперативной комбинации ГПУ) амбициозного М. Мороза и нескольких епископов-«самосвятов». Съезд ДХЦ 20–22 октября 1925 г. проходил под контролем ГПУ. Сама организация, отмечали чекисты, «находится целиком под руководством органов ГПУ».
- **Соборно-Епископская Церковь митрополита Феофила (Булдовского) (1925–1936 гг.)**, принявшая наименование «Братское объединение парафий Украинской автокефальной Православной церкви» (БОПУПАЦ),

[14] *Анисимов В.* О «положительном заряде» предательства. К 80-летию собора УАПЦ (http://www.pip.kiev.ua/lib.php?book=lib/variable/text_0008.php&caption=%20#_).

[15] *Киридон А. М.* «Щоб вороги топили один одного...». Про причини церковних розколів у Радянській Україні. 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6. С. 27.

[16] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2; Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002. С. 305.

[17] Комплекс документов советской спецслужбы о разработке УАПЦ опубликован в журнале: З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2005. № 1–2; 2006. № 1–2; см. также: *Преловська І.* Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.

возникшая также при вмешательстве органов ГПУ путем отделения от канонической РПЦ («лубенский раскол»). С января 1925 г. ГПУ повело «обработку тихоновского епископата» для создания новой группировки для «борьбы с тихоновщиной и липковщиной». К июню 1925 г. С. Карин подготовил трех епископов («инициативную группу»), созвавших «собор» в Лубнах (в нем приняли участие лишь 5 из 27 архиереев РПЦ в Украине)[18]. Раскольнические действия епископа Феофила вызвали резкую отповедь со стороны Священноначалия. Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) созвал собор архиереев для суда над Феофилом (Булдовским), который, однако, отказался явиться на его заседания. Суд, в котором приняли участие 13 епископов, проходил заочно в декабре 1924 г. Булдовский и другие деятели «Лубенского раскола» 25 декабря 1924 г. были извержены из сана и отлучены от Церкви. Тем не менее Феофил (Булдовский) и его единомышленники не вняли призыву архиерейского суда и продолжали свою антицерковную деятельность.

Феофил самочинно объявил себя «митрополитом». В конце 1925 г. на основании составленных Полтавским архиепископом Григорием (Лисовским) и викарием Полтавской епархии Прилукским епископом Василием (Зеленцовым) было подготовлено Определение о «главарях лубенского раскола», подписанное 13 украинскими православными архиереями. В Определении лидеры «булдовщины» объявлялись лишенными сана и отлученными от церкви. Определение было утверждено Заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Впоследствии власти советской Украины, убедившись в слабой эффективности «лубенского» и прочих расколов в борьбе с канонической Православной Церковью, перешли к политике борьбы с этими раскольничьими сообществами. В результате антицерковных репрессий число приходов, состоящих под началом Феофила (Булдовского), в 1930-х гг. резко сократилось. Если в 1925 г. имелось 49 приходов БОПУПАЦ (45 тыс. прихожан), то в 1937 г. в Луганске закрыли последний храм «лубенцев»[19].

- **Украинская Православная Церковь (1930–1936 гг.) митрополита Иоанна (Павловского)**, объединившая остатки УАПЦ после ее самороспуска (с подачи чекистов) и разгрома.

Кроме того, в Советской Украине к 1926 г. насчитывалось 317 приходов Римско-Католической церкви (116 тыс. прихожан, также служивших объектом активной оперативной разработки ГПУ)[20], 1242 иудейских общины (434 тыс.

[18] ЦГАООУ. Ф.1. Оп. 20. Спр. 2318. Л. 2.

[19] http://www.uapc.org.ua/ru/news/?newsId=290

[20] *Рубльова Н.* 1) Невідома ділянка «антирелігійного фронту»: боротьба владних структур УСРР проти римсько-католицької церкви, 1920-ті роки // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1–2. С. 228–243; 2) Антикостьольна кампанія в УСРР: причини, інструментарій, перебіг (кінець 20-х — 30-ті рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1–2. С. 388–405.

верующих), лютеран — 38,4 тыс., евангельских христиан — 67,5 тыс., баптистов — 33,2 тыс., адвентистов — 3,3 тыс, меннонитов — 42,8 тыс. В мистических сектах (скопцы, малеванцы, хлысты и др.) состояло свыше 64 тыс. человек. По мнению Секретного отдела ГПУ, где трудился С. Карин-Даниленко, всего в УССР к верующим относилось 40,4 % населения[21].

К 1922 г. украинские чекисты доложили в ЦК КП(б)У о «полном успехе» проведенной работы по расколу Православной Церкви, что приближало конечную цель — «окончательное разложение духовенства и полный раскол церкви»[22]. Перед 3-й группой Секретного отдела СОЧ ГПУ УСРР, где стал служить С. Карин, стояла задача (как говорится в материалах личного дела), «борьбы с контрреволюционными проявлениями в религиозных группировках». Участок называли весьма сложным, так как репрессивные методы к клиру применялись (пока еще) «с соблюдением максимальной осторожности» во исполнение «ответственной партийной директивы». Перед ГПУ ставилась «задача негласного (т. е. агентурного. — *Д. В.*) захвата в свои руки религиозных объединений. Работа этих организаций находится под нашим плотным (но негласным) влиянием».

Главным противником считалась Российская Православная Церковь. К 1925 г. в Советской Украине действовало восемь наиболее многочисленных епархий РПЦ во главе с Патриаршим экзархом Украины (с мая 1921 г.) митрополитом Киевским Михаилом. Функционировало 6453 приходов (около 4 млн 820 тыс. прихожан) канонической РПЦ, которую еще называли «старославянской» или «тихоновской», за верностью Патриарху Московскому и Всея Руси Тихону[23]. Под надзор агентуры и уголовное преследование попал и Патриарший экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков, 1862–1929), категорически не признававший «оперативные детища ГПУ» — обновленцев и автокефалов[24].

Главным же инструментом спецслужб стало инспирирование многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов РПЦ, противопоставления канонической РПЦ автокефальной церкви. Поскольку «тихоновцы» ведут антисоветскую агитацию в «монархическом направлении», обвиняют власть в притеснениях Церкви, подчеркивали чекисты, необходимо основные усилия сосредоточить на разложении РПЦ и УАПЦ и «укреплении за их счет обновленчества»[25]. Напомним, что обновленческий раскол РПЦ, оформившийся при активном содействии ЧК в 1922 г., в Украине принял форму Синодально-Обновленческой Церкви. В 1925 г. ГПУ «даровало» ей «автокефалию» для углубления противостояния с РПЦ, в ней насчитывалось 1497 общин

[21] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

[22] Там же. Оп. 16. Д. 1450. Л. 1.

[23] Там же. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

[24] См. материалы архивного уголовного дела на владыку Михаила: ЦГАООУ. Ф. 263. Д. 45504.

[25] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 1.

обновленцев с 921 тыс. прихожан. Давление властей привело к тому, что в столичном Харькове обновленцы имели 26 храмов, а каноническая РПЦ — один[26].

Особой заслугой С. Карина-Даниленко считалось достижения контроля и последующего простимулированного чекистами самороспуска УАПЦ. Сводка ГПУ № 37/47 за период с 11 по 18 сентября 1927 г. отмечала: «В октябре в г. Киеве должен состояться Всеукраинский Покровский Собор УАПЦ... органами ГПУ поставлена серьезная задача добиться на Покровском съезде переизбрания митрополита, заменив ЛИПКОВСКОГО более приемлемым для нас кандидатом»[27]. «В этой группировке удалось — без применения репрессий — добиться от Собора добровольного удаления всех столпов контрреволюции, в том числе самого Липковского», отмечали впоследствии начальники Карина.

Контрразведчик прекрасно разбирался в явных и тайных сторонах натуры епископов-«самосвятов», давая им в отчетах для ЦК лаконичные и уничижительные характеристики. Так, В. Липковский предстает «куркулем по природе», «обыкновенным авантюристом, для которого удовлетворение своих мелких житейских потреб и непомерного честолюбия является альфой и омегой всех его начинаний, ...завтра может быть и врагом Украины, если это может быть полезным для его кармана». Председатель ВПЦР Василий Потиенко — «работает не как религиозный человек, а как украинский шовинист». «Епископ» Нестор (Шараевский) — «любит Малороссию за хороший борщ, колбасу и чудесные песни». Александр (Ярещенко) — «более атеистичен, чем религиозен», «для него церковь не цель, а средство для объединения “самостийных” сил Украины». Юрий (Жевеченко) — просто «атеист» и т. д.[28]

Заметным называли и вклад Карина в «разложение тихоновской церкви» в 1923–1931 гг.[29] Сергей Тарасович, наряду с Председателем ГПУ УССР В. Балицким и В. Горожанином входил в состав Всеукраинской антирелигиозной комиссии (ВАК). Сотрудничал с НКВД УССР, где работал отдел по отделению церкви от государства, эксперты которого составляли доносы в ГПУ, приобщавшиеся затем к уголовным делам на активных функционеров УАПЦ[30].

Продолжалась и агентурная работа против УАПЦ, наиболее «антисоветски настроенные» ее адепты высылались за пределы Украины. Нередко санкции по отношению к верхушке автокефалистов принимались совместными решениями ВАК при ЦК КП(б)У. Как и в случае с непокорным священством РПЦ, СО ГПУ (согласовав с ВАК) подавал Особому совещанию ГПУ (внесудебный карательный орган) представление на высылку тех или иных активистов УАПЦ за пределы УССР с содержанием в лагерях, поскольку их «дальнейшее

[26] Там же. Л. 17; Д. 2006. Л. 83.

[27] ГПУ против УАПЦ. Методология уничтожения (http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/3493-gpu-protiv-uapc-metodologiya-unichtozheniya.html).

[28] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 42–44.

[29] ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 3. Л. 78 об.

[30] См. например: З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 1. С. 16–17.

пребывание может привести к срыву нашей работы по автокефалам». С. Карин принимал непосредственное участие в оперативной разработке автокефалов, включая и пребывание их в местах предварительного заключения (ДОПРах)[31].

Постепенно сформировался комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения церковной организации:

— использование самого духовенства для постановки под контроль управления церковной жизнью (в том числе — через вербовку и негласное сотрудничество) под угрозой преследований и репрессий,

— учет и оперативное использование особенностей характера отдельных епископов и иереев, разногласий в церковной среде, гордыни (через поощрения материального и карьерного характера);

— постановка в материальную зависимость (как отмечали чекистские документы, «надеяться на доброжелательное отношение к Советской власти нельзя», поэтому священников надлежит связывать деньгами и другой заинтересованностью — «будет вечный раб ЧК»);

— запугивание слабохарактерных лагерями и тюрьмами.

В служебных документах отмечалось, что С. Карин «тяготится работой по линии "Д"» (т. е. духовенства, видимо, тянулся к «чистой» контрразведывательной деятельности). Тем не менее фактический руководитель «3-й группы» (антирелигиозной) работал против «церковной контрреволюции» в прямом смысле слова на износ — страдавшему «активным туберкулезом обоих легких» чекисту предписывали лечиться в санатории буквально в приказном порядке.

Агентурно-оперативная работа получила весьма высокую оценку в служебных аттестациях. Так, 1 января 1926 г. В. Горожанин следующим образом аттестовал подчиненного: «Уполномоченный группы по духовенству... Из очень немногих работников-чекистов, специалистов по духовным делам, по-видимому, самый лучший. Незаменимые его качества — умение разговаривать с попами и способность к вербовке... Незаменимый специалист в порученной ему области. Горизонт в работе большой и глубокий»[32]. В характеристике за 1929–1930 гг. указывалось, что Карин «имеет большие заслуги по борьбе с церковной контрреволюцией на Украине». «В работе тов. Карина много образцов агентурного совершенства. Был случай, когда в Киев съехалось на совещание около 30 епископов, известных своей контрреволюционной деятельностью. В течение нескольких дней епископы были настолько обработаны, что стали беспрекословно выполнять директивы ГПУ» (видимо, речь шла о съезде епископов УАПЦ)[33].

Отметим, что агентурная работа «по церковникам» велась планомерно и с размахом. Судя по смете на первое полугодие 1926 г., в ГПУ по РПЦ и «обновленцам» «работало» по 84 секретных сотрудников («сексотов», т. е. тех, кто негласно принимал участие в активных оперативных мероприятиях

[31] З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 1. С. 28, 30.

[32] ОГА СБУ. Д. 5037. Т. 1. Л. 23–24.

[33] Там же. Л. 78 об.

и разработках), 66 — по УАПЦ, 36 — по «Собору епископов», 24 — по ДХЦ, 84 — по протестантским конфессиям (всего по УСРР — 378 с месячным окладом 20 руб. каждому). На каждый католический костел полагалось по два сексота. Более того, в руководящих звеньях конфессий вербовались платные осведомители. Наибольшая мзда полагалась отколовшимся (по воле ГПУ) от УАПЦ деятелям ДХЦ — «единственным их стимулом могут быть деньги», откровенно отмечала 3-я группа. Всего ГПУ просило выделить по «церковной линии» на указанный период 81 540 руб.[34]

Фамилия «Карин» нередко встречается в воспоминаниях выживших церковных деятелей того времени в контексте плетущихся ГПУ интриг и подготовки очередных нестроений среди епископата[35]. О нем как о «главном уполномоченном Харьковского ГПУ по религиозным делам» говорили и в связи с инспирацией Соборов УАПЦ[36].

В 1927 г., очевидно за успехи в сеянии расколов и нестроений в православии, свертывании автокефального движения, Коллегия ОГПУ СССР наградила Сергея Тарасовича именным «маузером», а в 1932 г. — знаком Почетного чекиста. Тогда же он возглавил 3-е отделение (антицерковное) в Секретном отделе СОЧ ГПУ УССР (уже и по должности став «главным религиоведом» ведомства В. Менжинского в Украине).

К началу 1930-х гг. органы госбезопасности в целом посчитали реализованной свою стратегию агентурно-оперативного подрыва (раскола) православия. Печально сложилась судьба УАПЦ и ее лидеров. На рубеже 1920/1930-х гг. ужесточаются репрессии против ставших политически и оперативно ненужными «самосвятов». По некоторым данным, всего жертвами репрессий стали 34 епископа и до 2000 служителей УАПЦ[37]. 27 ноября 1937 г. после недолгого следствия на основании «показаний» других лиц был расстрелян первый «митрополит» УАПЦ В. Липковский[38].

С. Карин-Даниленко в начале 1931 г. смог перейти (вслед за В. Горожанином) во внешнюю разведку (Иностранный отдел ГПУ УССР). В 1931–1933 гг. работал в Праге помощником резидента по «разработке украинской контрреволюционной эмиграции». Будучи помощником начальника Иностранного отдела НКВД УССР, принял участие в операции «Академия», закончившейся нейтрализацией двух террористов Российского общевоинского союза, прибывших в СССР для организации покушения против «вождей партии и советского правительства»[39].

[34] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 40–41.

[35] *Доненко Н., протоиерей.* Макарий Кармазин // «Наследники Царства». Симферополь, 2000 (http://krotov.info/spravki/persons/20person/1937maka.html).

[36] http://vestnik-jzr.org.ua/200903-filippovich.html

[37] *Розтальний В.* Митрополит-мученик // Голос України. 1992. 19 червня.

[38] См. также биографию В. Липковского: *Зинченко А.Л.* Визволитися вірою. К., 1997.

[39] ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 16, 25.

В 1937 г. С. Карин («задвинутый» начальником Управления пожарной охраны НКВД УССР) был арестован. Выдержал 26 месяцев допросов в Лефортово и Бутырках, никого не оговорил и своей вины не признал, хотя следователи и «били до состояния куска мяса»[40]. Был уволен по инвалидности, однако в 1941 г. добровольцем вызвался участвовать в зафронтовой работе, занимался организацией партизанских отрядов и диверсионных групп, награждался орденом «Знак Почета» и медалями. Дослужился до заместителя начальника 4-го (зафронтового) Управления НКГБ УССР. Руководил Опергруппой по Западной Украине. Выступая под прикрытием должности заместителя представителя в УССР председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР, вел переговоры о примирении с военачальниками УПА, получив орден Красной Звезды.

Именно заместитель начальника контрразведки НКГБ УССР полковник С. Карин выступил непосредственным организатором «самоликвидации» Украинской Греко-Католической Церкви. Как отмечал его начальник, шеф 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ УССР П. Медведев, «в 1945–1946 гг. органами НКГБ–МГБ УССР была проведена серьезная работа по ликвидации греко-католической церкви... являющейся резидентурой Ватикана». При этом С. Карин-Даниленко «разрабатывал планы агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации униатской церкви», лично работал с агентурой вплоть до «проведения собора, организационно оформившего разрыв с Ватиканом...». В 1947 г. заслуженного контрразведчика срочно уволили за отказ перейти на преподавательскую работу в Москву[41]. Уже на пенсии выступил автором ряда книг и статей с критикой сотрудничества униатской церкви с Австро-Венгрией и гитлеровскими спецслужбами[42].

Как видим, успехи С. Карина-Даниленко по «церковной линии» были обусловлены сочетанием личных профессиональных и морально-психологических качеств. Современники и коллеги отмечали его эрудицию, работоспособность, артистичность, коммуникабельность, готовность к оперативному риску и творческому подходу, прекрасное знание религиозной среды и ее деятелей, стремление (насколько это позволяли служебные интересы) проявить гуманное отношение к людям (что сказалось и во время работы в Западной Украине)[43]. Наряду с этим результативность агентурно-оперативных мероприятий обеспечивалась тем, что за оперработником стояли мощь авторитарного, агрессивно-атеистического государства, применявшего массовые физические репрессии против священнослужителей и «церковников» (твердо верующих мирян), обширные

[40] Там же. Л. 40.

[41] Там же. Т. 2. Л. 12.

[42] См. например: *Даниленко С. Т.* Униаты. М.: Политиздат, 1972.

[43] В частности, подробно описал (под псевдонимом) работу и характер С. Карина генерал-майор КГБ УССР В. Шевчук. *Зарічний В.* Лишитися чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії // Робітнича газета. 1989. 29 липня.

возможности спецслужбы с ее тотальным осведомлением и вездесущим агентурным аппаратом, быстро накапливавшей опыт оперативной разработки религиозной среды и управления ею в свете политических директив и идеологической доктрины компартийной верхушки и советской государственности.

References

Arhivy Kremlâ. Politbûro i Cerkov'. 1922–1925. M.; Novosibirsk: ROSSPÈN; Sibirskij Hronograf, 1997. Kn. 1.

Danilenko S. T. Uniaty. M.: Politizdat, 1972.

Kiridon A. M. «Ŝob vorogi topili odin odnogo...». Pro pričini cerkovnih rozkolìv u Radâns'kìj Ukraïnì. 1920-h rokìv // Lûdina ì svìt. 2004. № 6.

Polìtičnij teror ì terorizm v Ukraïnì. HÌH–HHXIX–XX st. Ìstoričnì narisi. K.: Naukova dumka, 2002.

Prelovs'ka Ì. Peresìduvannâ ta ìkvìdacìâ UAPC (UPC) (1921–1938): oglâd arhìvno-krimìnal'nih sprav GDA SBU ta CDAGO Ukraïni // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 2009. № 1. S. 26–48.

Roztal'nij V. Mitropolit-mučenik // Golos Ukraïni. 1992. 19 červnâ.

Rubl'ova N. Antikost'ol'na kampanìâ v USRR: pričini, ìnstrumentarìj, perebìg (kìnec' 20-h — 30-tì rr.) // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 1999. № 1–2. S. 388–405.

Rubl'ova N. Nevìdoma dìlânka «antirelìgìjnogo frontu»: borot'ba vladnih struktur USRR proti rims'kokatolic'koï cerkvi, 1920-tì roki // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 1998. № 12. S. 228–243.

Šapoval Û.Ì., Pristajko V.Ì., Zolotar'ov V. A. ČK–GPU–NKVD v Ukraïnì: osobi, fakti, dokumenti. K.: Abris, 1997. S. 139–140.

Zarìčnij V. Lišitisâ česnim do kìncâ. Nevìdomì storìnki odnìêï čekìsts'koï bìografiï // Robìtniča gazeta. 1989. 29 lipnâ.

Žilûk S. «Nova cerkva». Obnovlens'kì ìdeï ì programi cerkovnogo reformuvannâ 20-h rokìv HH st. // Lûdina ì svìt. 2004. № 6. S. 44–48.

Zinčenko A.L. Vizvolitisâ vìroû. K., 1997.

Zolotar'ov V.A. Sekretno-polìtčinij vìddìl DPU USRR: spravi ta lûdi. H.: Foìo, 2007.

Список литературы

Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1997. Кн. 1.

Даниленко С.Т. Униаты. М.: Политиздат, 1972.

Жилюк С. «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років XX ст. // Людина і світ. 2004. № 6. С. 44–48.

Зарічний В. Лишитися чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії // Робітнича газета. 1989. 29 липня.

Зинченко А.Л. Визволитися вірою. К., 1997.

Золотарьов В.А. Секретно-політчиний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. Х.: Фоліо, 2007.

Киридон А.М. «Щоб вороги топили один одного...» Про причини церковних розколів у Радянській Україні. 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6.

Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002.

Преловська І. Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.

Преловська І. Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.

Розтальний В. Митрополит-мученик // Голос України. 1992. 19 червня.

Рубльова Н. Антикостьольна кампанія в УСРР: причини, інструментарій, перебіг (кінець 20-х — 30-ті рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1–2. С. 388–405.

Рубльова Н. Невідома ділянка «антирелігійного фронту»: боротьба владних структур УСРР проти римсько-католицької церкви, 1920-ті роки // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1–2. С. 228–243.

Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 139–140.